

И.А. Грабарь

О ДАТЕЛЬНО-МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ
В «СОКРОВЕННОМ СКАЗАНИИ МОНГОЛОВ»

В монгольском языке, как и в некоторых других языках /5, с. 349/, для дательного и местного падежей существует единая форма, т.е. дательный и местный падежи графически не различаются. Высказывая предположение, что «к древнейшим из частных (конкретных) падежей принадлежит, по-видимому, локатив» и что «в основание развития категории дательного легло значение, весьма близкое к значению локатива» /5, с. 351–352/, И.В. Нетушил разницу между локативом и дательным видит в том, что, «между тем как первый явственно обнаруживает значение места, в котором что-нибудь есть или происходит, последний, напротив, обозначает главным образом лицо, у которого, т.е. в сфере которого, какое-либо действие осуществляется» /5, с. 353/.

Именно такое понимание значений местного и дательного падежей мы и имеем в виду, когда в данной статье пользуемся терминами «местный падеж» и «дательный падеж».

В «Сокровенном сказании монголов»¹ (или «Юань чао би ши»), монгольском памятнике XIII в., присутствуют следующие суффиксы дательно-местного падежа: *-dur, -tur (-dür, -tür); -a(-e); -da, -ta (-de, -te)*. Рассмотрим каждую группу суффиксов в отдельности.

-dur, -tur (-dür, -tür)

По нашим наблюдениям, в тексте «Сокровенного сказания» эти суффиксы употреблены 872 раза, из них с причастиями 189 раз, причем с причастиями прошедшего времени только 18 раз, остальные — с причастиями будущего времени (см. таблицу). Они используются в значениях как местного, так и дательного падежа, например²:

§ 7: *Dobun-mergen tede irgen-dür gürü'esü* 'Добун-Мерган побывал у тех людей...'³;

27: *noqot irekül čaq-tur* 'С прилетом уток (букв. в то время, когда прилетают утки)';

§ 65: *Ysügel quda ger-tür minu oduva* 'Зайди ко мне в юрту, сват Есугай';

§ 79: *šikül-dur širquju orobasu* '...успел пробраться в густую чашу...';

§ 84: *Sorqan-šira-yin ger-tür qonobasu* 'когда ночевал [я] в юрте Сорганширая...';

§ 120: *Jelme-tür neyllen irebel* '...присоединился к Чжельме';

§ 127: *Jamuqa-tur etci ilä'esü* 'Когда к Чжамухе отправили послов...';

§ 155: *ene üge-tür činggis qahan ügülerün* 'На эти слова Чингисхан заметил';

§183: *eme kō'ūn minu qan ečige-tür bül* '...жена и дети мои — у хана-отца';

§199: *kimusu'ar-ıyan maltaju qaĵar-tur oro'asu* 'Если б./они/... даже и в землю зарылись когтями своими...';

§ 214: *Altani eke-yin ger-tür...sa'ıju büle'e* 'Алтани [в ту пору] сидела в материнской юрте';

§ 247: *qonın ııl Kitat İrgen-tür morllabal* '... в год овцы [Чингисхаң] выступил в поход против народа Китат';

§ 247: *Dungġang balaqasun-tur ġürčü* 'Подойдя к городу Дун-Чану...';

§ 278: *čingġis qahan ečige-tür minu yabuqsat kebde'ül* '...кебтеулы, состоявшие при родителе нашем, Чингисхане...';

Примечательно, что суффиксы *-dur*, *-tur* не встречаются в словах, управляемых глаголами «говорить (сказать)» и «давать (дать)». Возможно, именно это обстоятельство дало основание Э. Хенишу считать этот падеж (на *-dur*, *-tur*) локативом /11, с. 67/. При этом Э. Хениш не проводил различия между употреблением данных суффиксов в именных и причастных формах. А между тем, употребляясь с причастиями, суффиксы *-dur*, *-tur* всегда имеют временное значение, например: *bükül-tür* 'когда находился [где-то], во время пребывания [где-то]'.
Д.Ч. Стрит называет суффиксы *-dur* *-tur* (*-tür*) лативными (the lative particles), но первым из десяти значений, в которых эти суффиксы встречаются, он приводит локальное (local) /17, с. 36/.

Характерно, что с причастиями употребляется только суффикс *tur* (но не *-durt*)⁴. Единственное «исключение» встретилось в §149/3а/: *ükükül-dürıyan* 'во время смерти своей', но здесь суффикс дательного-местного падежа употреблен с притяжением *-ıyen* 'своей'. Это обстоятельство, видимо, следует учитывать, так как очень часто суффикс *-tur* «переходит» в *-dur*, если сопровождается суффиксом безличного притяжения *-ıyan* (*-ıyen*), например: § 58: *İrgen-tür*; § 81: *İrgen-dürıyen*; § 65: *ger-tür*; § 28: *ger-dürıyen* (но § 36, 37: *ger-türıyen*); § 199: *qaĵar-tur*; § 88: *qaĵar-durıyan* (но § 9: *qaĵar-turıyen*); § 247: *balaqat-tur*; § 248: *balaqat-durıyan*; § 238: *üge-tür*; § 249: *üge-dürıyen*; § 149: *tergen-tür*; § 55: *tergen-dürıyen*; § 55: *amin-tur*; § 140: *amin-durıyan*; § 141: *qahan-tur*; § 146: *qahan-durıyan*.

Интересно отметить, что в нашем тексте суффикс *-dur* (*-dür*) без притяжения *-ıyan* (*-ıyen*) почти не встречается и что суффикс *-tur* употребляется вместо *-dur*, и наоборот, что противоречит правилам монгольского классического языка, т.е. языка XVII-XХ вв. Этим вопросом специально занимался С. Мурайма. Он подверг сравнительному анализу формы дательного-местного падежа в «Сокровенном сказании» /15, с. 23-47/ и установил, что смешение суффиксов *-dur* и *-tur* имеет место главным образом в двух первых главах. Что же касается остальных десяти глав (III-XII), то в них такое смешение имеет место в редких случаях и соответствует нормам классического языка /15, с. 45/.

В классическом монгольском языке, как известно, имеются суффиксы *-du* (*-dü*), *-tu* (*-tü*), которые считаются усеченными вариантами суффиксов *-dur* (*-dür*), *-tur* (*-tür*). Однако в языке «Сокровенного сказания» суффиксы *-du* (*-dü*), *-tu* (*-tü*) вообще не встречаются в качестве показателя дательного-местного падежа.

Частотность употребления суффиксов дательного-местного падежа в «Сокровенном сказании монголов»

Глава	<i>-dur, -tur(-dür, -tür)</i>		<i>-a(-e)</i>		<i>-da, -ta (-de, -te)</i>		<i>-daġa/-deġe, -teġe</i>
	с име- нами	с прича- стиями	с име- нами	с прича- стиями	с име- нами	с прича- стиями	
I	43	12	29	3	20	—	7
II	57	31	29	—	12	—	2
III	44	16	42	—	44	—	14
IV	50	18	36	—	21	—	4
V	83	18	44	—	23	—	3
VI	57	22	42	—	30	—	7
VII	50	6	30	3	19	—	9
VIII	66	10	37	—	40	1	3
IX	51	13	31	3	27	—	3
X	43	13	29	1	27	—	5
XI	67	18	40	1	19	1	7
XII	72	12	57	5	13	—	3
Всего		189	462	16	297	2	67

§ 189: *eme kö'ün mlu qan e'ige-tür bil'...* «Жена и дети мои — у хана-отца»;
 § 199: *kimu 'ar-lyan mala'u qal-tur oto 'asu 'Eglin b [oni]...* «даже и в
 землю зарылись котлами своими...»;

§ 214: *Atan! eke-ün ger-tür...* «*z'üdu bile'e* «Алтани [в ту пору] сидела в
 материнской юрте»;

§ 247: *qonh 'ü Kitat 'igen-tür mor'aba'...* «в год овцы [Чингисхан] вы-
 ступил в поход против народа Китая»;

§ 247: *Ding'ang balagasin-tür güt'ü* «Подойдя к городу Дун-Чану...»;
 § 278: *Singis qalan e'ige-tür mlu yuqzat kebde'ü'...* «кебтеуды, со-
 стоявшие при родителе нашем, Чингисхане...»;

Примечательно, что суффиксы *-dur*, *-tur* не встречаются в словах, управ-
 ляемых глаголами «говорить (сказать)» и «давать (дать)». Возможно, имен-
 но это обстоятельство дало основание Э. Хенишу считать этот падеж (на *-dur*,

-tur) локальным /11, с. 67/. При этом Э. Хениш не проводил различия между
 употреблением данных суффиксов в именных и причастных формах. А между
 тем, употребляясь с причастными, суффиксы *-dur*, *-tur* всегда имеют в ре-
 менное значение, например: *vikü-tür* «когда находимся [где-то], во время
 пребывания [где-то]».

Д.Ч. Стрипт называет суффиксы *-dur*, *-tur* («*-tur*») латинскими (*the latinic
 particles*), но первым из десяти значений, в которых эти суффиксы
 встречаются, он приводит локальное (local) /17, с. 36/.

Характерно, что с причастными употребляется только суффикс *tur* (но не
-dur)⁴. Единственное «исключение», встретилось в § 149/3а/: *üküki-dürlyen*
 «во время смерти своей», но здесь суффикс дательного-местного падежа упо-
 треблен с притяжанием *-lyen* «своей». Это обстоятельство, видимо, следует учи-
 тывать, так как очень часто суффикс *-tur* «переходит» в *-dur*, если сопровож-
 дается суффиксом безличного притяжания *-lyan* («*lyen*»). Например: § 58: *lyan-
 ger-türlyen*; § 199: *qal-tür*; § 65: *ger-tür*; § 28: *ger-dürlyen* (но § 36, 37);
 § 247: *balagat-tür*; § 248: *balagat-dürlyan* (но § 9: *qal-türlyen*);
 § 247: *balagat-tür*; § 248: *balagat-dürlyan*; § 238: *üge-tür*; § 249: *üge-
 dürlyen*; § 149: *geren-tür*; § 55: *geren-dürlyen*; § 55: *amh-tür*; § 140:
amh-dürlyan; § 141: *qalan-tür*; § 146: *qalan-dürlyan*.

Интересно отметить, что в нашем тексте суффикс *-dur* («*-dür*») без притя-
 жания *-lyan* («*-lyen*») почти не встречается и что суффикс *-tur* употребляется
 вместо *-dur*, и наоборот, что противоречит правилам монгольского классиче-
 ского языка, т.е. языка XVII-XV вв. Этим вопросом специально занимался
 С. Мурайма. Он подверг сравнительному анализу формы дательного-местного
 падежа в «Сокровенном сказании» /15, с. 23-47/ и установил, что смешение
 суффиксов *-dur* и *-tur* имеет место главным образом в двух первых главах.
 Что же касается остальных десяти глав (III-XII), то в них такое смешение
 имеет место в редких случаях и соответствует нормам классического язы-
 ка /15, с. 45/.

В классическом монгольском языке, как известно, имеются суффиксы
-du («*-dür*»), *-tu* («*-tür*»), которые считаются усеченными вариантами суффиксов
-dur («*-dür*»), *-tur* («*-tür*»). Однако в языке «Сокровенного сказания» суффиксы
-du («*-dür*»), *-tu* («*-tür*») вообще не встречаются в качестве показателя дательного-
 местного падежа.

Частотность употребления суффиксов дательного-местного падежа
 в «Сокровенном сказании монголов»

Глава	<i>-dur, -tur(-dür, -tür)</i>			<i>-a(-e)</i>			<i>-da, -ta (-de, -te)</i>			<i>-dača/-deče, -teče</i>
	с име- нами	с прича- стиями	всего	с име- нами	с прича- стиями	всего	с име- нами	с прича- стиями	всего	
I	43	12	55	29	3	32	20	—	20	7
II	57	31	88	29	—	29	12	—	12	2
III	44	16	60	42	—	42	44	—	44	14
IV	50	18	68	36	—	36	21	—	21	4
V	83	18	101	44	—	44	23	—	23	3
VI	57	22	79	42	—	42	30	—	30	7
VII	50	6	56	30	3	33	19	—	19	9
VIII	66	10	76	37	—	37	40	1	41	3
IX	51	13	64	31	3	34	27	—	27	3
X	43	13	56	29	1	30	27	—	27	5
XI	67	18	85	40	1	41	19	1	20	7
XII	72	12	84	57	5	62	13	—	13	3
Всего		189	872		16	462		2	297	67

Среди монголоведов нет единого мнения по поводу употребления суффикса -a(-e) как показателя дательного падежа. Например, у А. Бобровникова /1, с. 96/ вообще отсутствует термин «дательный падеж». Г.И. Рамстедт /7, с. 39/, напротив, предпочитал называть падеж на -a(-e) дательным. Э. Хениш /11, с. 66/ также называл этот падеж дательным. Д.Ч. Стрит этот суффикс считает суффиксом дательного падежа (the dative particle), имеющим, однако, помимо других девяти значений также и локальное (lokal) значение /17, с. 34/.

Н.Н. Поппе по поводу суффикса -a(-e) отмечал, что в письменном монгольском языке XX в. он «употребителен от ограниченного количества основ и притом обычно лишь в значении местного падежа, в то время как в языке XIV столетия и еще несколько позже он функционировал и как дательный падеж» /6, с. 55/.

В «Сокровенном сказании» суффикс -a(-e) представлен очень широко, по частоте употребления он стоит на втором месте после суффикса -dur(-tur): употреблен 462 раза, из них только 16 раз с причастиями — 4 раза с причастиями прошедшего времени и 12 раз — с причастиями будущего времени.

Суффикс -a(-e) в нашем тексте употребляется в значении и местного и дательного падежа. Например:

§ 177: *Čui-müren-e ... otba* «...Бежал [в Сартаульскую землю], на реку Чуй»;

§ 177: *Güse'ür-na'ur-a Yolqaldubai* «...Свиделся [с тобой] на озере Гусеур-науре»;

§ 198: *Altay-yin ebur-e übü'iafū* «...Зимовал на южном склоне Алтая»;

§ 224: *qola qa'ar-a iläye* «[Надлежит] сослать ... в места отдаленные»;

§ 123: *Temü'jin-e ügü'lerün* «Сказали Темучжину...»;

§ 209: *Qublīay-a ügü'lerün* «[Чингисхан] говорил, [обратясь к] Хубчлаку...»;

§ 137: *Qasar-a ökbe* «Отдали Хасару»;

§ 178: *kö'ün-e minu ök* «Отдайте сыну моему».

При переводе «Сокровенного сказания» с языка XIII в. на язык XX в.

Ц. Дамдинсүрэн /2/ вместо суффикса -a(-e) везде ставит суффиксы -du (-dü), -tu (-tü), т.е. усеченный вариант суффиксов -dur(-dür), -tur(-tür):

§ 177: *Čui müren-dü baylqu-du kürčü*; § 177: *Güse'ür na'ur-tu ... Yolqalduba*;

§ 198: *Altay-yin übür-tü ebü'iafū*; § 224: *qola qa'ar-tu iläye-e*; § 123: *Temü'jin-dü ügü'lerün*; § 209: *Qublīay-du ügü'lerün*; § 137: *Qasar-tu ökbe*; § 178: *Kö'ün-dü minu ök*.

Итак, суффикс -a(-e) несвойствен письменному монгольскому языку XX в. Но интересно еще и другое: если суффиксы -dur, -tur в языке XIII в. не употреблялись в словах, управляемых глаголами «говорить» и «давать», то, как видно из последних четырех примеров, в языке XIX-XX вв. в словах, управляемых этими глаголами, стали употребляться суффиксы -du, -tu. Иначе говоря, сфера употребления суффиксов -dur, -tur (-du, -tu) расширилась.

В «Сокровенном сказании» часто суффиксом дательного-местного падежа -a(-e) оформляется субъект в страдательных конструкциях. Примечательно, что в «Алтан тобчи» (монгольской летописи XVII в., в которой содержится пересказ 233 параграфов «Сокровенного сказания») в тех местах, где текст не

подвергся стилистической обработке, суффикс -a(-e) в таких конструкциях, как правило, тоже сохраняется, например:

«Сокровенное сказание»

«Алтан тобчи»

§ 53: *Irgeŋ-e bariqda'a bi*

§ 53: *Irgeŋ-e bari'udaba*⁵

«Схвачен я татарами»;

§ 71: *Hö'elün-ne... ke'ekdekül bolbi*

§ 71: *Ögeŋen-e ... keme'gedkü bolba*

«[Нас] может оговаривать [даже] Оэлу...»;

§ 136: *Jürkin-e teyin kıkdebe*

§ 136: *Jürken-e teyin kıkdebel*

«Чжуркинцы так поступили [с нашими людьми]»;

§ 145: *gü'ün-ne ese ü'jekdebe*

§ 145: *Kümün-e ese ü'jegdebe*

«Остался не замечен людьми»;

§ 251: *Altan qa'an-a Yetgükde'ü*

§ 251: *Altan ха'тан-а Yetgükde'ü*

«Алтан-хан учинил препятствия [нашему посольству]»;

§ 214: *sumun-a tusda'asu una'asu*

§ 214: *sumun-a tusda'aju unabasu*

«[Огодай] упал, сраженный стрелой».

Из пяти причастий с суффиксом -a(-e) без изменения оставлены летописцем XVII в. два причастия:

«Сокровенное сказание»

«Алтан тобчи»

§ 213: *sa'uqsan-a*

§ 213: *sayuqsan-a*

§ 225: *aqsayqu-a*

§ 225: *aysa'ayqu-a*

Из оставшихся трех случаев в одном вместо суффикса -a (§ 64: *boluqsan-a*) мы находим -dur (*boluqsan-dur*), в другом случае изменен глагол (§ 213: вместо *eseksen-e* употреблено *ayqsan-a*), и еще § 240: вместо *qatangquy-a* употреблено *Yada'ayun-a*.

В целом можно сделать вывод, что суффикс дательного-местного падежа -a(-e) в языке XIII в. употреблялся главным образом с именами, с причастиями же употреблялся крайне редко в отличие от суффиксов -dur(-dür), -tur(-tür). Причем такую же картину мы наблюдаем и в классическом монгольском языке раннего периода (XVII в.).

-da(-de), -ta(-te)

Принято считать, что эти суффиксы в качестве показателей дательного-местного падежа в классическом письменном монгольском языке не встречаются⁶ (за исключением омертвелых форм дательного-местного падежа, например: *ende* «здесь», *tende* «там», *mašida* «очень», *jekede* «весьма», *aruda* «сзади», *dergede* «рядом», *nasuda* «всегда» и т.п.).

Однако в XIII-XIV вв. картина была иной. Обратимся к некоторым документам, в которых зафиксирован монгольский язык этого времени.

1. 1257 г. Надпись Мунке⁷: *uyes-te*.

2. 1289 г. Письмо Аргуна французскому королю Филиппу Красивому: *sa-ra-ta (-da?)*, *tngrl-te(-de?)*, *qaučid-ta*.

3. 1290 г. Письмо Аргуна Миклошу IV: *kedün-te*, *sine-te (sine-de?)*, *Urumi-ta (-da?)*.

4. 1305 г. Письмо Ульдзейту Филиппу Красивому: *tngrl-te (-de?)*, *lnaʃsi-ta (-da?)*, *qaʃučid-ta*.

Итак, из этих документов видно, что суффиксы дательного-местного падежа *-da (-de)*, *-ta(-te)* имелись в письменном монгольском языке XIII-XIV вв.

Кроме того, суффикс *-da (-de)* (но не *-ta (-te)*) присутствует в памятниках квадратного письма (созданного тибетским ламой Пагбой в 1269 г. и просуществовавшего около ста лет), а также в произведении «Houa-yi yi-yu» (1389), где отражен монгольский язык в китайской транскрипции /12, с. 119/.

Обращает на себя внимание тот факт, что в баоаньском языке, т.е. в языке той народности, которая оторвалась от остальных монголов, по-видимому, еще в XIII-XIV вв., дательного-местный падеж образуется при помощи суффикса *-de* /9, с. 26/.

В языке «Сокровенного сказания» суффиксы *-da (-de)*, *-ta(-te)* присутствуют как показатели дательного-местного падежа⁸ (см. табл.):

§ 177: *qan ečige-de mlnu ügüle* «Хану, отцу моему, говорите ...»;

§ 255: *qan ečige-de ...güčün öksü* «Будем мы служить батюшке-государю (букв. будем отдавать силы хану-отцу)»;

§ 105: *ǰamuqa anda-da ügüleǰü Iläksen üge* «Слова, которые [Темучжин] наказал передать анде Чжамухе...»;

§ 210: *ta Bo'orču Muqall teri' üten noyat-ta* «Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами (букв. для нойонов, во главе которых Боорчу и Мухали)»;

§ 265: *čo'orqat-ta sobilaǰu* «В [урочище] Цоорхат, дождемся [от них] ответа»;

§ 150: *činggis qahan-tur Kereyid-ün ǰaqa-gambu Tersüt-te bükül-tur nököčere irebe* «К Чингисхану, когда он находился в урочище Терсут, в сотовариши при- был Чжаха-Гамбу из Керейта»;

§ 214: *eke-tür ger-te oroǰu...*⁹ «Вошел [он] к матери в юрту...»;

§ 66: *güreget-te talbiǰu qiču* «Оставил [Темучжина] в зятях и уехал»;

§ 242: *eke-de kö'üt-te ...irge qublaǰu ögüye ke'en* «Порешив выделить уде- лы для матери, сыновей».

Из приведенных выше примеров шесть можно сопоставить с таковыми из аналогичных мест в «Алтан тобчи» (три параграфа «Сокровенного сказания» —

§ 177, 255, 265 — в летописи XVII в. отсутствуют). При сопоставлении фрагментов оказалось, что суффиксы *-da (-de)*, *-ta (-te)* летописцем XVII в. почти везде сохранены. Для наглядности приведем эти шесть примеров из «Алтан тобчи»: § 105: *ǰamuqa-da ügüleǰü Ilägensen öge*; § 210: *Ta, Boǰurčl, Muqall, terigüten noyad-ta*; § 150: *činggis-ǰaǰan-dur Kereyid-ün ǰiǰa-kambu Tarǰud-ta*¹⁰ *bükül-dür nököčere irebe*; § 214: *Eke-dür ger-te sayl erigylsün (erigülün)*;

§ 66: *kürged-te talbiǰu oduǰai*; § 242: *Eke-de, köbegüd-e ... Irgegen utus üm-čel öggüye kemen ...* В последнем примере помимо стилистической обработки фразы слово *köbegüd* «сыновья» употреблено с суффиксом дательного-местного падежа *-e*, а не *te*.

В «Сокровенном сказании» при помощи суффиксов *-da (-de)*, *-ta (-te)* оформляется субъект в страдательных конструкциях — правда, довольно редко.

Из 16 случаев для пяти мы находим полное соответствие в «Алтан тобчи», а именно:

«Сокровенное сказание»

«Алтан тобчи»

§ 143: *tenggeri-de ese ta'alaqdaba*

§ 143: *tengri-de ese taǰuǰadaba*

«[Видно, мы] прогневали небеса (букв. небом не обласканы)»;

§ 151: *aqa-da'an alaqdarun*

§ 151: *aǰa-dajǰan ataǰdarun*

«Под угрозой убийства со стороны своего старшего брата»;

§ 223: *Güčügür möči-de Irge tutaqdaǰu*

§ 223: *Güčügür möči-de Irgegen du-taǰdaǰu*

«[Потом] недоставало людей для плотника Гучугура»;

§ 256: *Aǰa-gambu-da ker eyin ügüleken?*

§ 256: *Esen-Kambu-da ker eyin ügülegedkü?*

«[Мыслимо ли] стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу?»;

§ 256: *tenggeri-de ihe'ekde'esü*

§ 256: *Tngri-de ibegdebesü*

«С помощью [Вечного] Неба (букв. если будем защищены [Вечным] Небом)».

Как видно из этих (и других) примеров, Лубсан Данзан не считал нужным употреблять суффиксы *-dur*, *-tur* или *-a* вместо суффиксов *-da*, *-ta*. Вообще при сопоставлении соответствующих фрагментов «Сокровенного сказания» и «Алтан тобчи» оказалось, что летописец XVII в. в большинстве случаев оставил именно эти суффиксы (хотя мог заменить их другими). Значит, тогда суффиксы *-da (-de)*, *-ta (-te)* не только имелись в письменном монгольском языке, но и употреблялись почти так же часто, как и в языке XIII в.

Но возможно и другое объяснение употребления этих суффиксов в «Алтан тобчи». Как замечает Н.П. Шастина, «язык, на котором написана летопись "Алтан-тобчи"... содержит довольно много архаизмов, характерных для более раннего времени. Так как летопись составлена на основании нескольких источников, то заимствованные из них части сохраняют языковые особенности оригинала... Как ни старался Лубсан Данзан нивелировать язык своих источников, достигнуть этого ему не удалось» /10, с. 43/.

В «Сокровенном сказании», как мы установили, суффиксы дательного-местного падежа *-da (-de)*, *-ta(-te)* употребляются в основном с именами. В частных формах они встретились лишь дважды: § 202: *yabulduqsat-ta* и § 260: *urququ-da*.

Следует также отметить, что только от этой падежной формы образуется двойная падежная форма — местно-исходного падежа, например:

§ 122: *ǰamuqa-dača* «от Чжамухи [отделились]»;

§ 281: *aqa de'ü-deče* «от братьев [выслушивал упреки]»;

§ 154: *ger-teče* «из юрты [вышел]».

Форма местно-исходного падежа употреблена в нашем тексте 67 раз, из них: в 6 случаях — *-teče* (причем пять из них падает на слово *ger* «юрта» и один — на слово *öleget* «колыбель») и в 61 случае — *-dača (-deče)*.

Что же касается суффиксов *-da (-de)* и *-ta (-te)*, то в квадратной письменности встречаются только *-da (-de)*, а также *-dur*, но нет совершенно *-ta (-te)* и *-tur*. На основании этого факта (а также некоторых других) С. Мураяма исключает предположение С. Хаттори, что «Сокровенное сказание» было переложено с квадратного письма на китайское /15, с. 46/. Однако С. Мураяма не учитывает того, что в этом письме проводилось строгое различие между придыхательными и простыми согласными. Как справедливо замечает Г. Д. Санжеев, «для монгольского "уха" существенно важным было различие не между звонкими и глухими или не между слабыми и сильными, а между простыми и аспирированными. Вот почему в оформлении суффикса дательного падежа КВП (квадратное письмо. — И.Л.) показывает только *-da, -de* и *-dur*, поскольку различие на фонетическом уровне между [д] и [т'] не имело фонологического значения. Это значит, что в приведенном суффиксе дательного падежа на фонетическом уровне можно предполагать не только [д], но и [т'], потому что орфографически простой [т'] допускался лишь в написании иноязычных заимствований» /8, с. 141–142/.

Примечания

- 1 Далее — «Сокровенное сказание».
- 2 Здесь и далее все примеры из «Сокровенного сказания» приводятся по тексту Л. Лигети /13/.
- 3 Здесь и далее русский перевод дается по тексту С.А. Козина /3/.
- 4 Э. Хеншиш, однако, *-tur* с причастиями везде заменял на *-dur* /11, с. 6–16/, хотя китайскому придыхательному *tʰ* соответствует монгольское *ʧ*, но не *ʧʰ*.
- 5 Примеры из «Алтан тобчи» здесь и далее приводятся по тексту С.А. Козина /3/.
- 6 Например, см. Н. Поппе /16, с. 195/.
- 7 Примеры из этого и других трех документов приводятся по текстам Л. Лигети /14, с. 19, 90–91, 93–94, 98–100/.
- 8 М. Вейерс суффиксы *-da(-de)*, *-ta(-te)* считает суффиксами дательного падежа (dativ, lokativ) /18, с. 71–72/. В «Сокровенном сказании» суффикс *-ta (-te)* употреблен 63 раза; причем в это число входят 3 случая употребления *-te'en (te + -iyen)* и 6 случаев употребления *-teče*.
- 9 Это единственный случай, когда со словом *ger* «юрта» употреблен в значении местного падежа суффикс *-te*. Во всех остальных случаях в значении местного падежа со словом *ger* употребляются только суффиксы *-dür, -tür*. Здесь же автору «Сокровенного сказания» пришлось прибегнуть к форме *ger-te* «в юрту», по-видимому, из стилистических соображений, поскольку впереди стоит слово, оформленное суффиксом *-tür: eke-tür* «к матери».
- 10 Интересно, что слово *Tersüt*, имеющееся в «Сокровенном сказании», изменено (или неверно прочтено?) Лубсан Данзаном, автором «Алтан тобчи», и

превратилось в *TarXud*. Неверное прочтение могло иметь место лишь в том случае, если Лубсан Данзан пользовался текстом памятника (т.е. текстом «Сокровенного сказания»), написанным письмом уйгурской системы, так как в этом письме, особенно в XIII в., иногда очень трудно было отличить букву «heth» 𐰽 от «sin» 𐰺 или конечную букву «yod» от конечной «res», что вызвано нечеткостью в их написании. Кстати, о смешении конечных *l* и *r* в «Алтан тобчи» упоминает Н.П. Шастина /10, с. 312/. В пользу того предположения, что «китайская транскрипция имела дело с соответствующей рукописью на уйгуро-монгольском алфавите», — а «некоторое основание» для такого предположения признает даже С.А. Козин /3, с. 26/ (придерживавшийся, как известно, другой точки зрения относительно оригинала памятника /3, с. 18/ — говорит тот факт, что в тексте «Сокровенного сказания», переданном китайскими иероглифами, «нередко допущены неточности в транскрибировании отдельных слов, сходных по графическому изображению в старомонгольской письменности» /4, с. 8–9/. Причем «эти разные формы транскрибирования» встречаются в основном в тех местах, где монгольской письменностью передаются звуки [g/k], [q/ç] или [o/у], для которых имеются всего три графемы.

Литература

1. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
2. Дамдинсүрэн Ц. *Mongᠦol-un Niᠦᠭᠦᠳᠠ Tobᠦᠶ᠋ᠠᠨ* («Сокровенное сказание») Улаанбаатар, 1947.
3. Козин С.А. «Сокровенное сказание»: Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.—Л., 1941.
4. Манлажав Л. Фонологическая система языка «Тайной истории монголов»: Автореф. канд. дис. Улан-Батор, 1973.
5. Нетушил И.В. Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка. Т. II. О падежах, Харьков, 1885.
6. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.—Л., 1937.
7. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
8. Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
9. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
10. Шастина Н.П. Алтан тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н.П. Шестиной. М., 1973.
11. Haenisch E. Untersuchungen über das Yuan-ch'ao pi-shi (Die Geheime Geschichte der Mongolen). Lpz., 1931.
12. Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. Wrocław, 1949.
13. Ligeti L. A Mongolok Titkos Tortenete. Budapest, 1964.
14. Ligeti L. Preklasszikus Emlkek. Budapest, 1967.
15. Murayama S. Über die Annahme, das der chinesischen Transkription der

Geheimen Geschichte der Mongolen ein Original in hp'ags-pa-Schrift zugrunde liege, Gengo Kenkyu. — «Journal of the Linguistic Society of Japan», University of Tokyo, 1953, № 24.

16. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies, Suomalais-Ugriilainen Seura, Helsinki, 1955.
17. Street J.Ch. The Language of The Secret History of the Mongols, New Haven, 1957.
18. Weiers M. Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des präliterarischen Schriftmongolisch, Wiesbaden, 1969.